

УДК 242
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е 76

*Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви*
ИС Р18-814-0532

Ерошкин, А. Д.
Е 76 *Лето под парусом / Алексей Дмитриевич Ерошкин. —*
М.: Сибирская Благовонница, 2019. — 380, [4] с.

ISBN 978-5-00127-100-0

В жизни каждого человека есть моменты, о которых можно вспомнить с теплом в душе и рассказать в хорошей компании за чашкой, например, душистого чая.

Мы давно не мальчишки, и наша щетина жестче проволоки, а бороды у некоторых гуще обувных щеток, но на этих страницах мы всегда останемся детьми. Дети, открытыми для нового, любящими играть, шкодничать и читать занимательные истории. И надеемся, дорогой читатель, что вместе с нами ты будешь переживать все эти события и не станешь строго судить за некоторые ошибки или упущения. А мы постараемся не разочаровать твои ожидания.

УДК 242
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Ерошкин А. Д., текст, фотографии, 2019
© Издательство Сибирская Благовонница,
оформление, 2019

*Всем, кто учился или учится,
а также отцам, воспитателям,
сестрам, трудникам, благотворителям
и всем-всем участвовавшим
в жизни православной школы
при Свято-Никола-Шартоломском монастыре
посвящается...*

Глава 3

Первые дни

Семиклассник Женя Егоров приоткрыл дверь комнаты, и его взгляд скользнул в коридор, где сиротливо светила тусклая лампа. Там никого не было. Убедившись в этом, Женя аккуратно, стараясь не шуметь, вышел из комнаты. Половицы визгливо скрипнули.

Желтые стены встретили парня как старого знакомого: он ходил тут каждый день, хотя и появился в школе недавно. Коридор

через несколько метров резко свернул, открыв лестничный марш, такой же пустой: видимо, все пыхтели над домашними заданиями в школе, пока жилой корпус отдыхал от криков и беготни. Но семикласснику такой расклад только на руку. Он преодолел ступени трех этажей и очутился на улице.

Темнело. Взгляд Евгения вновь пробежался по окрестностям, ища посторонних, но было спокойно.

Женя крадущейся походкой обошел корпус и очутился в самом нелюдимом месте подворья. За каменным забором тарахтели редкие машины, осенние сумерки обволакивали Иваново. Парнишка посмотрел в черные глазницы окон, за которыми находилась дополнительная лестница — бояться нечего, ею почти не пользовались.

Тогда рука Жени скользнула в едва заметную щель между каменной стеной и ближайшим деревом, белый конверт мелькнул в свете фонаря, и парень вытащил руку. Дело сделано. Последний раз убедившись, что никто не видит, Женя покинул место событий.

А началось все с того, что семиклассник недели две назад обнаружил в кармане белый конверт без обратного адреса, где черными

буквами, набранными на печатной машинке, было написано:

Здравствуйте, уважаемый Евгений.

Мы — крупная организация, называть которую нет причины, долгое время изучали Вас и пришли к выводу, что Вы имеете все необходимые качества для проведения агентурной работы. Если предложение Вас устраивает, то, пожалуйста, напишите ответ в письменном виде и положите в условленный тайник, координаты которого описаны ниже. Если Вы подтвердите свое участие, то будете обеспечены необходимой информацией для выполнения заданий. А пока мы можем сказать лишь то, что наша организация трудится на благо народа, вербуя лучших из лучших. Мы осуществляем тайные операции во многих местах и очень сильно надеемся, что Вы достаточно хорошо понимаете всю серьезность предложения и примите меры для полной конспирации. После прочтения письмо необходимо уничтожить, и ни в коем случае не рассказывайте никому. Ждем ответа ровно три дня. До связи.

С раннего детства Женя видел себя в военной форме, с оружием, представлял, как отстреливается от толпы и уходит по дороге в горы. И тут такое предложение! Два дня он

ходил озабоченный, стал рассеянным, потерял аппетит.

Какие истории рисовало его воображение!

Вот он начинает агентурную деятельность: тайники, записки, передачи. А вот Женя на ночной вылазке, угрожая пистолетом, задерживает опасного преступника, а потом седой полковник жмет ему руку и, пустив слезу, приговаривает: «Всё что могу, братишка, всё что могу!»

А потом Женя, конечно же, в темной подворотне расшвыривает троих хулиганов.

Хотя нет — троих мало!

Их будет человек пять, а двух можно даже и ножами вооружить! А что вы хотели — разведка! А организация эта, естественно, ГРУ. Тут уж его не проведешь — недавно книгу читал, это их методы. Скрываются еще!

Понятно, что ответ Евгений дал положительный и доставил куда следует. А через два дня под подушкой опять письмо. На этот раз требовалось наблюдать за соседним зданием: кто приходит, кто выходит, описать подробно информацию в письме и снова положить в тайник. А потом...

Потом новопосвященный разведчик носил письма, следил за воспитателями, менял тайники и делал много непонятных дел, какие подобает делать секретнейшему агенту.

И так две недели, пока наконец Женя не поймал молчаливого студента Антона Александровича, подкладывающего очередной конверт.

Это был крах!

Мир в один момент рухнул, осыпаясь осколками мечты и про седого полковника, и про пятерых в подворотне. И хоть Саныч (так народ звал Антона Александровича) и пытался повернуть сказку, мол, «я тоже агент, меня просто раньше завербовали», — но было ясно — никакой он не агент, а лишь хороший шутник.

Впоследствии Саныч признался, что тексты тщательно вычерчивал через копировальную бумагу, создавая эффект печатной машинки, а задания придумывали и подкидывали Жене они вместе с девятиклассником Сергеем Рыжовым. Ребята похлопали по плечу:

— Да ладно, не обижайся. Мы же шутили. Согласись, прошло весело, тебе две недели было чем заняться, а то скуотища. Зато будет что в старости вспомнить.

Но Женя, конечно же, обиделся и ушел, ничего не ответив.

— Подъем, подъем! — прокричал откуда-то из другой реальности голос отца Досифея, и мгновенно воспоминание улетучилось: Иваново... Саныч... письмо...

«Где я?» — не понял сначала Женя, рассматривая темно-желтую брезентовую крышу.

— Ребята, выходим на зарядку! Хватит лежать! — послышался голос снаружи.

В палатке

«А! Мы же в Юрьевце. Летний отдых», — дошло до сонного семиклассника. Женя скинул одеяло и шагнул навстречу новому дню.

Лагерь уже стал похож на лагерь: на стене забора висели два умывальника, протоптались тропки в траве, была скошена поляна для чтения утреннего и вечернего правила.

Намазывая зубную пасту на щетку, Женя услышал разговор Вали Манежко и Кости Травкина.

— Да не надо переживать так, — ободрял Валя, улыбаясь, — кто он такой вообще?!

Костя, бледный и совершенно незагорелый, не соглашался:

— Не-е. Он будет нас заставлять отжиматься.

— Да не будет! Воспитатель он, что ли?! Все отлично же. — Валя улыбнулся. — Надо освоиться здесь, загореть за лето, закупаться. Мне даже нравится в палатке жить. Спит-ся отлично!

К ним подошли Леша Плетнев и Миша Купцов. Миша улыбался:

— О! Здоров, Валя, привет, Костян. Как настроение? — Он с размаху хлопнул Костю по плечу. — В палатке нравится жить, говорите? А двухвосток не боитесь? Леша, дай пасту.

Миша наклонил голову и принялся натирать зубы.

Костя наморщил лоб:

— Каких еще двухвосток?!

— Ш-ш-ш, — донеслось от Купцова.

Валя тоже заинтересовался:

— Какие двухвостки?

Но Миша не спешил отвечать, он тщательно водил щеткой, налил пригоршню воды, пополоскал зубы и, лишь когда рот освободился, ответил:

— Насекомые, ползают здесь. На конце хвоста у них два усика.

— И что их бояться?

— Могут заползти в уши, а если не развернутся там, то будут грызть перепонку. Всю ее съедят до мозга.

— Чушь какая! — воскликнул Валя. — Я в это не верю.

— Я тебе правду говорю.

— Да ладно! Как они могут заползти?! Ухо с норой перепутают, что ли?

— Ну конечно. Они же в норах живут! — Миша вытерся и повесил полотенце на стену.

— А ты откуда знаешь? — недоверчиво поинтересовался Костя, глядя, как Купцов начинает расчесываться.

— Что я, про двуххвосток не знаю, что ли?! Аккуратней спите, надо уши ватой затыкать.

— Неправда это всё, — сказал Валя. — Не верю. Кстати, вам понравился новый мужик?

— Никита Николаевич? — Леша поморщился. — «Две минуты», «будете отжиматься»... армию здесь разводит. Кто он такой?! Поздороваться не может, с ходу грубит!

— Ну да, такой умный. Не воспитатель и никто он нам. — Миша был солидарен.

— Реально, что будем отжиматься по десять раз за минуту, — тихо произнес Костя.

— Да кто будет-то?! Я не буду, — буркнул Леша, — пусть сам отжимается.

— На правило, на правило, — раздалось сзади.

— Пошли, Мих, хватит свои волосы укладывать. И так красивый. — Плетнев дотронулся до плеча товарища.

— Сейчас, мне чуть-чуть осталось, идите, я догоню, — ответил тот.

Ребята пошли молиться.

После молитвы следовал завтрак. Трапезная подворья — фанерный домик — находилась внизу холма. Управление в трапезной уже взял в свои руки отец Евгений. После завтрака появился Никита Николаевич, ребята встретили его не радостно, насупившись.

— Доброе утро, — поздоровался он.

— Доброе, — ответил строй.

Плетнев тихо добавил:

— Принесло на наши головы.

Мужчина обратился к отцу Агафангелу:

— Отче, надо их разделить на два экипажа. Двадцать человек много для управления. Назначим командиров, будем порядок с них спрашивать. Как в армии.

— Хорошо, как делить?

— Без разницы, главное, чтобы поровну. Так, я не понял... — Никита Николаевич

нахмурился: — А где кепки?! Или вам не понятно было вчера сказано?! Вот ты, иди сюда. — Инструктор вывел из строя крупноватого парня, переваливающегося с ноги на ногу. — Как тебя зовут?

— Петя Чикин, — ответил тот, краснея, словно солнце на закате.

— Петя! Почему у этого есть кепка, и у того есть, и даже у меня она на голове, а вот у тебя — нет? Может, меня вчера не слышал?

Петя поник и еле слышно прошептал:

— Слышал.

— А в чем же дело?

— Просто я пошел на завтрак, а в палатках остались... дневальные... Тут команда...

— Короче, делаем так! — сменил тон мужчина. Теперь голос звучал, как басовая струна: звонко, отчетливо и низко. — Вы — команда, единое целое. Должны помогать друг другу. Естественно — за проступки отвечаете тоже вместе — командой. Знаете, в Риме за вину одного убивали каждого десятого в сотне. Поэтому если товарищ Петр не нашел кепку — значит, остальные ему не помогли! А за это упор лежачий принять!

— Ну, нет, так нечестно! — воскликнул Купцов.

— Очень даже честно, — возразил инструктор, — мне кажется, что на обед Петя придет в головном уборе, и каждый из вас ему будет ой как помогать. Упор лежа принять!

Миша недоуменно посмотрел на Лешу, который утром обещал не отжиматься. Тот опускался в стойку с каменным лицом. Миша вздохнул и тоже опустил плечи. В мягкие ладони вонзились камешки.

— Это что? — вновь возмутился Никита Николаевич, показывая рукой на ладони.

— Он вообще бывает доволен когда-нибудь?! — проворчал Леша.

— Быстро на кулаки! Как девчонки! У меня и девчонки на кулаках-то сто раз отжимались, а вы на ладони встаете?!

Теперь камешки вонзались не в ладони, а в беззащитные костяшки. Парни заохали.

— Ничего, — сказал инструктор, — на мой счет поехали: раз — опустили, два — поднялись. Ра-аз!

— Два!

— Ого-го, — еще улыбался Купцов, — поднатужимся.

— Что я должен отжиматься! — где-то сбоку кряхтел Леша.

— Раз!

— Два!

Через десяток раз улыбка с лица Миши Купцова сползла, и весь смысл жизни сузился до невероятных пределов: эволюционировать из человека отжимающегося в человека прямоходящего. Параллельно ему Женя Егоров с убийственным выражением лица припал к матушке-земле. Было видно, как вздулись вены на тонких руках. Миша собрал волю в кулак, вспомнил, что в такие моменты надо отвлечься. Совет, наверно, неплохой, и Купцов попробовал представить новый телефон в руках. У нее камера хорошая, три мегапикселя...

— Раз!

Еще у нее громкий динамик...

— Два!

Можно будет играть в игры...

— Раз!

— Я уже не могу, — прошипел Плетнев.

— Достал нас, — согласился рядом стоявший Валя Манежко, — мы что? — солдаты?

— Ну, нет! Это невозможно! — Купцов взорвался. — Даже новый телефон не помогает!

Несмотря на то, что обстановка была не лучшей для любознательности, Валя спросил:

— Какой телефон?

Купцов не успел ответить ничего вразумительного, потому что Никита Николаевич скормандовал:

— Встать, в следующий раз увижу без кепки — увеличим нагрузку в два раза.

Парни поднялись, на костяшках кулаков отпечатался рельеф земли. Лучи недовольства тянулись от взмыленных мальчишек к единой точке — мужчине. Он же засунул руки в карманы, оценивая плоды своей тирании, и несколько не огорчился.

Отец Агафангел решил разрядить напряжение и поэтому стал делить народ на экипажи. Никита Николаевич и ребята молчали. Лишь когда дело было закончено, инструктор сказал:

— А сейчас, отче, я заберу часть людей на плавбазу до обеда поработать, осмотреться. Потом устроим теоретическую часть. Лекцию читаю.

Отец Агафангел кивнул, и часть строя перегруппировалась в шеренгу по два.

— Так, это все, кто идет со мной? — спросил мужчина и, получив утвердительный ответ, скомандовал: — Шагом марш!

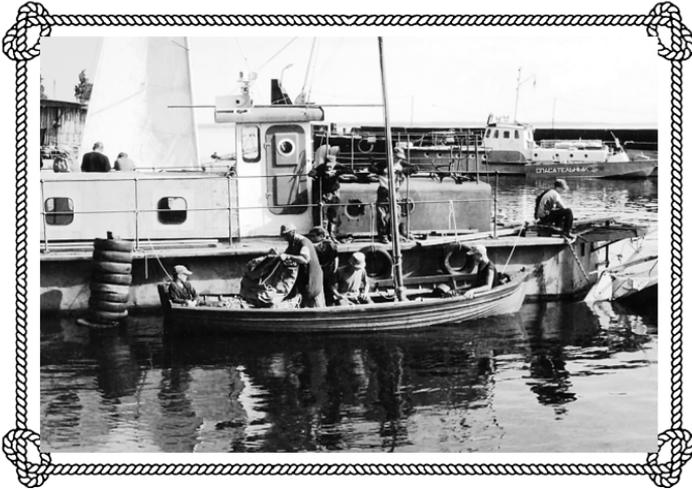
Послышался хруст гравия под подошвами. Обе шеренги тронулись, отражаясь в пыльных стеклах домов.

— И как с ним после этого работать?! — вздохнул Плетнев, топая в конце шеренги.

Мальчишки представления не имели о яхтах, ялах, парусах и прочих морских атрибутах,

поэтому когда Никита Николаевич провел через весь город и оставил их на каком-то пристанище судов, то им стало невероятно интересно. Утреннего происшествия как и не бывало.

На Плавбазе. Загрузка вещей в ял

Две массивные почерневшие баржи образывали заводь. В этой заводи повсюду были пришвартованы суда, катера, лодочки всех сортов. На берегу стояло двухэтажное здание речного надзора, на балконе повис флаг МЧС.

Прибрежная зона делилась на маленькие частные кусочки, границы которых обозначали деревянные заборы. Никита Николаевич тоже владел «кусочком». Там у него был гараж для лодки с воротами в сторону воды.

Слева от гаража вытянулся в реку мосток, он выполнял обязанности причала для потрепанного теплохода.

— Моя гордость! — сказал про теплоход инструктор. — Хочу отремонтировать и пройти по Волге до Каспийского моря.

Парни не долго обижались, поэтому тут же взялись оценивать «гордость», заглядывая в щели и отсеки.

— Ребята, смотрите! — воскликнул Валя, поднимаясь на корму теплохода. — Вот это да!

От кормы тянулся канат. Он держал «на поводке» необычное судно: не лодка, не теплоход, не катер. Пластиковые синие борта поднимались над водой на метр, зад был совершенно открыт: никакого ограждения, из воды торчала лакированная рукоятка руля. По бортам выступали лавочки, монолитные с корпусом.

Если бы конструктор на этом и закончил, то всё напоминало бы перевернутую скорлупу ореха, однако посередине судна лавочки заканчивались, пластик поднимался вверх, образуя кабину. Благодаря этому судно походило на гоночный автомобиль: узкие окна по бокам, отличная обтекаемость. Не хватало только лобового стекла. Кабина заканчивалась изящным носом. Решающим штрихом в облике была

высокая мачта. Как от трубы котельной, с мачты расходились в четыре стороны растяжки.

— Так, идем сюда, покажу, что надо делать, — позвал сзади ребят Никита Николаевич.

Купцов повернулся к нему:

— Это яхта?

— Да. Еще посмотритесь, идите сюда скорей.

— Мы на ней плавать будем?

— Не плавать. Моряки говорят «ходить», — поправил миролюбиво инструктор.

От облика тирана не осталось и следа.

Плетнев решил воспользоваться моментом и спросил:

— А зачем вы нас отжиматься заставили?

Никита Николаевич нахмурился:

— Это не я вас заставил, это вы сами себя заставили. Сказал же вчера: увижу без головного убора — будете отжиматься!

— Мы разве солдаты?! Без кепки так без кепки, что тут такого? — стоял на своем Плетнев.

Ребята встрепенулись, прислушались. Никита Николаевич развернулся, оказавшись напротив Леши.

— У вас есть в Иваново котятка? — спросил он.

— Котятка?! — не понял Плетнев.

— Да. Маленькие котятка.

— Были как-то. А при чем тут котята? Разговор же не об этом.

Инструктор пропустил последнее замечание мимо ушей.

— А как котят учат правильно ходить в туалет?!

Леша с подозрением посмотрел на Никиту Николаевича: всё ли у него в порядке.

— Я не знаю. Сходил не туда — ткнуть носом, наверное.

— Так вот вас и тыкаю носом. Отжиманиями. Учю делать правильно.

Наступила пауза. Плетнев задумался.

— А словами нельзя? — спросил за него Миша.

Никита Николаевич развернулся, показывая, что разговор окончен, и через плечо произнес:

— Словами можно. Но это было вчера. А сегодня все-таки нашелся один, до которого слова не доходят. Пошли работать.

Миша хмыкнул про себя:

«Эх, болен он своими отжиманиями».

Оказалось, что на плавбазе предстояло обклеивать какой-то «ял». Ял лежал вверх днищем и походил на шлюпки, которые подвешивают на кораблях. Плотно подогнанные деревянные доски сходились к носу, а по

центру красовался брус, изогнутый по кривой линии. Никита Николаевич назвал брус килем. Внутренности ребятам рассмотреть не удалось.

Ял

Обклеивать ял стеклотканью, промоченной в эпоксидной смоле, — занятие не из приятных. Смола моментально твердеет, резиновые перчатки становятся будто покрытые стеклом. Пласты стеклоткани накладываются в несколько слоев, и невезучим парням достается участь оттирать штаны, прикоснувшиеся к смоле. Этим делом ребята занимались до обеда.

На обед их снова построили, пересчитали, и они прошли через весь город в трапезную.

После приема пищи инструктор объявил, что уже сегодня не пойдут на плавбазу, а вместо этого он проведет теоретическое занятие.

Ребята прошли узкими улочками к белой юрьевецкой церкви, за которой была высокая колокольня. Щелкнул древний замок, открылась дверь полутемной комнаты пристройки. Внутри стояли лавочки, мальчишки расселись, а Никита Николаевич достал старую, местами побитую школьную доску, водрузил на стол и обвел взглядом аудиторию.

Дождавшись, когда скрип и шушуканье прекратятся, инструктор сказал:

— Итак, приступим. Тем у нас много. Начнем с того, как ходить под парусом. Это очень увлекательное занятие, но требует хорошей слаженности экипажа, работы головой всей команды, особенно рулевого. Возьмем, к примеру, ял. Он ходит как на веслах, так и под парусом. В зависимости от числа гребцов ял бывает четверка, шестерка, восьмерка.

— А у нас какой? — спросил кто-то.

— У нас четверка. Конечно, он не такой устойчивый, как шестерка, но по Волге кататься пойдет. Грести веслами вы обязательно научитесь, это я обещаю. Мозоли будут. — Инструктор ехидно улыбнулся.

— Так в перчатках можно же, — опять не унимался голос.

— Никаких перчаток! — оборвал Никита Николаевич. — Чего захотели! Может, где-то и гребут в перчатках, но вы — нет! Руки будут привыкать, и постепенно мозоли пройдут. Это лучше, если вы окажетесь в ситуации, где перчаток нет, а грести надо много километров. Ясно?! — Лектор выдержал паузу, проверяя, все ли слова дошли до сознания молодежи, и продолжил: — Ладно, пошли дальше. С этого времени вы говорите: вместо плавать — ходить, вместо зада — корма, вместо переда — нос. Привыкайте сразу называть правильно, учите морские термины, ведь я с вами должен говорить на одном языке. А иначе... — Инструктор сделал многозначительное лицо, не оставлявшее поводов для раздумья. — Итак, веревки, которые поднимают паруса наверх, называются фалы; которые держат мачту — ванты, а которые управляют парусами — шкоты. Не путать, наказывать буду строго, — снова припугнул преподаватель. — Мачта на яле съемная. Как ставится и за сколько времени — пройдем на практике. Ял ходит под углом сорок пять градусов к ветру, в отличие от яхты, которая более маневренная и сокращает это число на пятнадцать

градусов. Передний парус на яле называется кливер, парус ближе к корме — фок. Я плохой художник, но попытаюсь изобразить. — Инструктор стал рисовать на доске: — Передний парус на яхте — стаксель, кормовой грот крепится к гикю...

Обилие терминов и понятий просто сыпалось на молодые головы. Лекция продолжалась еще минут сорок. Дети слушали, как добыть воду в лесу, как определить стороны света без компаса, как вязать морские узлы, какие бывают ядовитые ягоды и много интересного и необычного, разбавляемого порой рассказами из опыта самого Никиты Николаевича. Даже отец Агафангел, который с лесом всегда «на ты», увлекся и что-то записывал. Парни и не подозревали, сколько всего знает их «мучитель».

Никите Николаевичу удалось заинтересовать ребят. Вечером отец Агафангел с удовольствием слушал возбужденные диалоги за тряпичной стенкой. И хоть отбой пробил двадцать минут назад, батюшка не стал прерывать: «Пусть обменяются впечатлениями».

Первые дни в Юрьевце стали подготовкой к остальной части лета. Каждый день — лекции и походы на плавбазу, где готовили суда.

Яхта идет на одном стакселе

Ял отставал, продолжая лежать вверх дном, а вот яхте спустили на воду подружку: белую, более новую и более обтекаемую. На нее подняли девятиметровую мачту, а на носу вывели: «Надежда». Первую яхту оставили без названия, между собой называя ее просто «Синей», из-за синих бортов. Парни рвались в поход.

— Хватит рассказов, когда уже практика? — спрашивали они у Никиты Николаевича и отца Агафангела.

— Будет, все будет, — отвечал инструктор, продолжая готовить почву.

По воскресеньям прихожане храма наблюдали необычное скопление молодежи, ревностно выстаивающей службу. «Ревности» сильно помогала строгость отца Досифея, но бабушки, смотря искоса на крепнувших парней, приговаривали: «Ой какие красавцы!»

А ребята правда крепли: свежий воздух, яркое солнце и активный образ жизни помогали им набираться сил. Никита Николаевич спуску не давал — отжимания, отжимания, отжимания. Команда «Упор лежа принять» как неизбежная кара следовала за опоздания, нарушения и другие противоправные действия. Хоть плакат вешай: «Всех недовольных политикой партии будем казнить через отжимания!»

Партия состояла из одного человека — инструктора, остальные воспитатели использовали пока метод увещевания. И ребята молились в душе, чтобы практика Никиты Николаевича не перекочевала в их арсенал.

По средам устраивали соревнования между экипажами: кто больше отожметя, подтянется, присядет. Инструктор один раз устроил борьбу в партере, лично приняв участие. Дети выходили на ковер, пытаясь побороть Никиту Николаевича, но тщетно. Невысокий и плотный, он раскидывал всех как котят. Поверженные противники с досадой поднимались.

Вышел на ковер и Мишка Купцов. Не надо быть спортивным аналитиком, чтобы предсказать исход битвы: щупленький восьмиклассник выглядел мелкогато на фоне крепкого Никиты Николаевича.

— Давай, Миха! — неслись задорные крики. — Мы за тебя!

Борцы посмотрели друг на друга, инструктор было приготовился повалить напором, но вдруг Миша предпринял неожиданный ход: рука его крепко схватила нос Никиты Николаевича, и возмущенный крик обладателя органа потонул в рукоплесканиях зрителей.

— Ну, Мишка, ну, молодец! Держи, не отпускаяй!

— Да-а-а! Миш, ты, видимо, правила борьбы несколько раз перечитывал! Там так и сказано, что за нос нужно хватать!

Кутерьма

— Смотри не оторви! Отжиматься будешь до конца света! — радовались вокруг возможности посмеяться над «гонителем».

Миша улыбался и крепче сжимал пальцы, отлично понимая: если отпустить — придется туго. Он крутил и крутил нос в разные стороны, пока не добился, что Никита Николаевич сам лег на ковер и признал поражение.

Прошло полторы недели после приезда в Юрьеvec, когда наконец случилось долгожданное событие. В один из дней строй

распахнул ворота на плавбазу, но вместо обычной разнарядки на работу инструктор дал команду загрузить на «Синюю» паруса и забраться самим.

Убедившись, что команда выполнена, Никита Николаевич кивнул:

— Разматывайте моток с парусом, что поменьше.

Белый бесформенный ворох приобрел очертания громадного треугольника, в самой верхней точке зазвенел карабин.

— Та-ак. Теперь пристегните карабин во-он к той скобе на носу.

Командир первого экипажа восьмиклассник Рома Сысаков схватил рукой скобу на металлическом тросе и защелкнул железный зуб карабина. Теперь верхний угол паруса соединился с тросом. Трос уходил вверх мачты, там перекидывался через блок, а за свободный конец троса парус можно поднять на мачту.

С мачты на нос тянулась железка, похожая на желоб в домашних гардинах, куда вставляются крючки с тюлью. Оказалось, точно так же в железку входит парус — передней стороной треугольника. Ребята по команде потянули за трос, и парус пополз вверх, расправляясь во всю длину.

— Ого! — воскликнул Валя. — Мы движемся!

— А как ты хотел, — довольно проворчал инструктор, — стаксель-то стоит. Сейчас еще грот поднимем — так вообще рванет.

Яхта вдруг резко содрогнулась и неожиданно стала разворачиваться на сто восемьдесят градусов, носом к берегу. Пассажиры на пластиковых лавочках заерзали.

— Эй, на носу! Ромка! — крикнул Никита Николаевич. — Как подойдем к якорю — вытягивай.

— Никита Николаевич, что это нас разворачивает?

— Нас разворачивает якорный канат.

— Почему?!

— Потому что сначала якорь бы надо достать, потом стаксель ставить!

В этот же самый момент Рома свесился и выдернул якорь. Яхта, почувствовав свободу, выровнялась.

— На, держи руль, — инструктор сунул в руку Купцову деревянную гладкую рукоять.

— Держать руль?

— Да. Выбери себе точку и постарайся нос вести к ней, пока не скажу сменить галс. Сейчас правь на выход из плавбазы.

Миша не особо понял, что от него требуется, но вцепился в рукоять, словно голодный в кусок хлеба, даже костяшки пальцев побелели.

— А ты, Валя, тяни шкот на себя и не отпускаяй. Давай, ребята, веселее. Вот уже и вода сзади бурлит.

Парус стал похож на пузо толстяка. Валя Манежко впился в шершавый шкот, ощущая, как тот натягивается от силы ветра.

На выходе из плавбазы природа разместила крохотный островок с желтым песком и с двумя-тремя деревьями. Яхта брала разгон прямо на него.

— Сейчас будем учиться менять галс, — возвестил наставник подмастерьям, которые и без галса уже были обескуражены происходящим. — Рулевой, слышишь меня?! Резко перекидываешь на левый борт, Валя, и как только стаксель заполощет, бросаешь шкот и тянешь к себе противоположный конец с другой стороны мачты. Ясно?

Никита Николаевич взглянул в широко раскрытые глаза подопечных. Ответа не последовало.

— Мда, — вздохнул он, — будет весело. — И скомандовал: — Поехали! Перекидывай!

Миша что есть мочи рванул рукоять влево, и Рома, пригревшийся на носу,

от неожиданности съехал к левому борту. Яхта резко сменила курс, и раздался оглушительный хлопок. За ним — второй, третий...

Экипаж «в деле»

Парусина развернулась к ветру, который начал яростно трепать ее, как, наверно, трепет мифический тузик грелку.

— Что стоите?! — воскликнул инструктор. — Перекидывай шкот быстрее.

Но Валя лишь неумело перебирал руками, путаясь в такелаже.

— Шланги! Помогайте ему! — почти потерял самообладание Никита Николаевич. Но остальные были ничуть не лучше и создавали суету вместо действий.

Вскоре случилось то, что должно было случиться. «Синяя», не успев сменить курс, ткнулась днищем в песок островка. В трюме зашуршал пластик, шаркаясь об землю, и все стихло. Даже парус перестал хлопать.

— Для первого раза сойдет, — успокоил капитан неопытных моряков. — Доставайте шест и толкайтесь.

Через несколько минут ребята все же вышли в Волгу, и инструктор исполнил обещание — «погонять».

Ребята ставили и снимали паруса, меняли галс, рулили по очереди и держались за шкоты. Когда мачта обзавелась еще парусом — гротом, менять галс стало интереснее. Грот крепится нижней гранью треугольника к железной трубе на мачте. Труба называется — гик. Перекидываясь с борта на борт, гик норовит точно попасть в голову тех, кто не пригнулся.

Через несколько часов ошалелые от качки парни стояли на асфальте, вытирая руками брызги. В глазах светилось счастье!

— Значит, так. Получается у вас пока плохо, но потом научитесь, — объявил Никита Николаевич, — но во-первых, сейчас вы стоите здесь, а мне даже отсюда видно, как валяется на палубе неубранный парус; во-вторых, кто

мотал якорный канат? Это, по-вашему, называется — пришвартоваться?! Я же показывал, как надо правильно мотать! Ого! Что я вижу!

Фото с макетом ППШ

Там еще и шкот в воде бултыхается! Это как минимум пятьдесят отжиманий!

— На всех? — улыбнулся Валя.

— Каждому, — бесстрастно ответил инструктор, — так что давайте. Упор лежа приятень.

— Никита Николаевич, — воскликнул Купцов, — мы же первый раз! Что сразу отжиматься?

— Первый раз что?! Убирать за собой в первый раз?! Или наматывать на кнехт канат?!

— Отжиматься, отжиматься... Надоело уже! — вскипел Леша Плетнев.

— Ничего, потерпите. — Инструктор был тверд как никогда. — Поехали.

После вечернего правила начиналось свободное время: часы лени и игр. Восьмой класс сегодня в полном составе расположился рядом с отцом Агафангелом: недовольный Леша Плетнев, Рома Сысаков из Алма-Аты, улыбочивый Валя Манежко, Миша Купцов и Андрей Писарев. Судя по размашистым движениям рук Плетнева, беседа кипела страстями. Разговор шел о прошедшем дне.

— Нет, отец Агафангел, это уже меня достало. Он кто?! Воспитатель?! Начальник?! На одно лето тут пришел, порядки устанавливает!

Батюшка опустил глаза.

— Конечно, — поддержал Миша, поступающий по принципу «хоть бы что, а я за любой бунт».

— Отжиматься, отжиматься, отжиматься! Мы сюда отдыхать ехали! Я отцу Феофилу позвоню! Пусть знает! — продолжал Леша.

— Отец Феофил сам благословил Никиту Николаевича к нам, — возразил отец Агафангел.

— Да?! И кто он мне такой?! — окончательно разошелся Леша. — Кто такой, чтобы слушаться?

— Раз поставили, значит, он — власть, значит, надо слушаться, — вновь возразил отец.

— Да не буду я подчиняться ему, не буду, и всё!

Батюшка, услышав ультиматум, промолчал, словно взвешивая слова, а потом начал издалека:

— Знаешь, Алексей, в молодости нам часто кажется, что другие люди, которые опытнее нас, говорят глупые, несуразные вещи. Если брать в пример мою жизнь, то я четыре раза ослушался родителей. И каждый раз получил урок за ошибку. Первый раз случилось это в конце десятого класса. Пришло время определяться с профессией, и я, вняв зову военкомата, надумал пойти в Рязанское десантное училище. Родители отговаривали, разговор состоялся тяжелый, мать видела во мне талант учителя, а отец — стоматолога или лесного инженера. В тот день я согласился с ними, пообещал оставить идею военной карьеры.

После выпускных школьных экзаменов разговор остался позади, и неожиданно домой пришла повестка на вступительные экзамены в училище. Родители поняли, что задуманное

я все-таки хочу осуществить. Состоялся второй тяжелый разговор, и вновь я пообещал. Только на этот раз сказал, что съезжу в районный военкомат и откажусь.

Приезжаю, а меня радушно встречают, да так радушно, что отказываться стыдно. И прапорщик говорит мне, что группа уже уехала, да заодно с моими документами на поступление. Догоняй сам, говорит, на поезде. Честно сказать, я испугался. В неизвестную даль, одному!

— Хорошо, — говорит прапорщик, — мы из тебя будем делать военного летчика. Здоровье у тебя хорошее, а что летчик, что десантник — одно и то же. Сейчас поезжай в областной центр — Архангельск, там группа ждет отправки в Тамбовское летное училище.

В общем, у меня не хватило духу отказать. Это был 1972 год. Помню, что под Москвой горели болота. А мы на поезде едем в Тамбов, жара, духота, дым... У меня и документов-то нет, в Тамбове пришлось новое личное дело заводить. Расселили в ангарах, проходим мы комиссию на поступление. Там больше не на экзамены смотрят, а на здоровье. Здоров — равно почти тому же, что поступил. Проблем со здоровьем у меня не было, и скоро осталось пройти лишь невропатолога

и центрифугу. Но медленно и необратимо по вечерам стала меня грызть совесть: родителям ничего не сказал, уехал. Они волнуются, переживают. Не послушался. В итоге все-таки совесть победила, и думаю: «Надо возвращаться, нехорошо так!» Но как вернуться? Страшно. Почти всех врачей прошел, как уже откажешься?

На следующий день попал к невропатологу, пожилой такой врач. Спрашивает он меня:

— Судороги бывают, молодой человек?

И тут я вспоминаю, что бывают, еще как бывают!

Отвечаю ему:

— Бывают, когда на велосипеде езжу, во сне иногда, когда на дерево залезаю, тоже судорогой ноги порой сводит, отец мой судорогами ног страдает.

Понял я, что тут мое спасение, и давай рассказывать, что было и что не было. Врач даже очки снял.

В общем, комиссию я не прошел. Груз упал с души — еду обратно.

В поезде ничего не изменилось — жара, рубашка по швам расползлась. Но совесть чиста, не тревожит. В Архангельске пошел перекаптоваться к сестре, дома ее не застал: «Дай, — думаю, — схожу и искупаюсь».

И что вы думаете?! Как только заплыл с полсотни метров в воду, ногу свела такая судорога, что я прямо как колесо какое-то стал! Кричу — никто не обращает внимания, сил держаться на поверхности не остается! Кое-как поплыл обратно, еле выбрался и упал на песок. Сейчас уже понимаю, что это мне за непослушание и за то, что врачу наговорил, раньше никогда в воде такого не было, плавал я хорошо... Вот такая история. Дома родители пожурили меня и простили.

Отец Агафангел задумчиво потер лоб и какое-то время помолчал.

— Да! Потом и в педагогический не поступил — там английский надо знать, а я в школе немецкий изучал, поэтому решил пойти, как сказал отец, на лесного инженера. Приехал в Архангельск, сел в маршрутку, еду-еду до института, а его всё нет. Выскочил через три остановки, смотрю — передо мной медицинский. Время до окончания подачи заявлений — пять минут. Так я и стал врачом-стоматологом, всё равно как хотел мой папа. А сегодня я педагог — как хотела моя мама. Вот так вот. Правда, лесным инженером не стал, но думаю, что всё впереди. Вообще, все мечты моей семьи сбылись по воле Божией. Иногда просто боюсь своих желаний, так

как они исполняются. Не сразу и не совсем, как я хочу, но исполняются. Нужно только научиться ждать, терпеть, просить у Бога. Хотя родители все-таки были против моего ухода в монастырь. Пролетело десять лет, а они всё против...

Плетнева речь немного успокоила, напряжение спало.

Сумерки спустились на город, три силуэта палаток растворились в темноте. У бани желтела пыльная лампочка, как планета, окруженная спутниками — комарами и мошками.

— Врачом сложно быть, отче? — спросил Валя Манежко.

— В каждой профессии свои сложности, легко жизнь не прожить. — Батюшка повернул голову в сторону палаток: — Вам пора спать. Время отбоя.

— Спокойной ночи, отец, — попрощались ребята, решив, что совет «пойти спать» вполне соответствует их состоянию. Активный образ жизни отнимает много энергии.

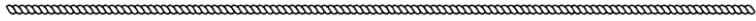
Лагерь затих, где-то вдалеке лаяла собака. Восьмиклассники разбрелись, приподнялись пологи, и в хлипком жилище зашуршали спальники. Вскоре лагерь погрузился в сон. Отдыхающие еще не знали, что впереди ждут события, которые останутся в памяти

на целую жизнь. Пройдут годы, закончат школу, и по разным городам России разъедутся выпускники. Дороги разойдутся на все четыре стороны. Но, встречаясь, ребята будут вспоминать лето 2005 года, и ночь напролет из уст зазвучит: «А помнишь... А это помнишь?»

Оглавление

Дорогой читатель!.....	7
<i>Глава 1</i>	
Затерянный отряд.....	10
<i>Глава 2</i>	
Каникулы.....	15
<i>Глава 3</i>	
Первые дни.....	44
<i>Глава 4</i>	
Шторм.....	82
<i>Глава 5</i>	
Первый поход.....	100
<i>Глава 6</i>	
Война.....	128
<i>Глава 7</i>	
Немда	164
<i>Глава 8</i>	
И снова в бой!.....	206
<i>Глава 9</i>	
Заброшенная деревня.....	226

<i>Глава 10</i>	
Большой поход	248
<i>Глава 11</i>	
Последний поход	326
Эпилог	377
Благодарность	380

